

или его понимание в объеме, достаточном для общения». Поэтому, считаем, что возникла необходимость разработки соответствующих требований к оценке уровня владения государственным языком.

В связи с вышеизложенным, предлагаем закрепить в законодательстве Украины правило, в соответствии с которым, претендент, изъявивший желание сдать квалификационный экзамен на право занятия адвокатской деятельностью, должен обратиться в КДКА по месту жительства с заявлением о допуске к сдаче такого экзамена и предоставить: 1) документ государственного образца, подтверждающий наличие у него высшего образования по специальностям «правоведение», «правоохранительная деятельность», «международное право»; 2) документ (документы), подтверждающий (подтверждающие) наличие у претендента стажа работы в области права не менее двух лет; 3) документ, подтверждающий владение государственным языком.

Библиографические ссылки

1. Т.Б. Вільчик. Організація судових та правоохоронних органів : навч. посіб.: у 2 ч. / Т.Б. Вільчик, П.М. Каркач, А.В. Лапкін та ін. ; за ред. Л. М. Москвич. – Ч. 2. Основи правоохоронної та правозахисної діяльності. – Х. : Право, 2016. – 364 с.

ВРЕМЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Калинин Сергей Артурович,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Белорусского государственного университета (г. Минск),

кандидат юридических наук, доцент

kalinin@bsu.by

Целеполагающее бытие государства и права имеет темпоральное измерение, что предопределяет осмысление времени в качестве методологического феномена. Отметим, что в юриспруденции время обычно изучается в качестве характеристики сроков реализации права [1; 2, с. 115-116], что, как указывает Н.М. Юрашевич, является недостаточным для осмысления времени и права в качестве равноценных мегафеноменов, каждый из которых лежит в «пространстве» другого и является определяющим для развития каждого из них [3, с. 90].

Время как категория характеризует векторность, длительность и дискретность бытия и используется при осмыслении смены явлений, отражаемой понятиями «цикл», «стадия», «тренд», «эпоха» и т.д. Будучи неотъемлемой чертой «высоких гуманитарных технологий» это позволяет уяснить тренды и тенденции, в рамках которых осуществ-

ляется субъектное бытие государства (цикличность, линейность, необратимость, аттрактивность и т.д.), делать прогнозы развития и принимать управленческие решения. Методологическое значение времени зависит от используемой научной и управленческой парадигмы и может проявляться в стадийной, описывающей возникновение, развитие и упадок феноменов, историко-футурологической, осмысливающей бытие через отношение к Современности (Прошлое, Настоящее и Будущее) и векторной, исследующей направленность бытия, методологических стратегиях.

Стадийная стратегия активно используется в социальных науках, особенно имеющих историческое измерение, и основана на объективности конечности любого феномена и его качественном развитии.

Историко-футурологическая стратегия наиболее подходит для описания целеполагающих самоорганизуемых уникальных субъектов, которое аналитически разворачивается в рамках двух имеющих различную природу процессов, а именно Прошлое – Настоящее и Настоящее – Будущее. Настоящее может выступать итогом Прошлого, что более свойственно классической парадигме и историческим наукам, либо быть исходной точкой построения Будущего как глобальной субъектной цели, требующей трансформации всей реальности, что характерно для постнеклассической парадигмы [4, с. 384].

Для классической парадигмы изучение Будущего избыточно, так как оно предопределяется исходными социальными параметрами Прошлого, объективно проявившимися в Настоящем. Именно такая логика представлена классической школой естественного права, отражающей детерминированность исходной антропологией и корпусом естественных прав процессов трансформации современной государственности. Обращение к Будущему может осуществляться на основании категорий «футурология» и «историософия», детерминирующих современность смыслом всеобщей истории, указывающих на ее [современности] нахождение в различных глобальных конечных длительностях, в рамках которых субъекты путем мировоззренческого позиционирования выдвигают проекты будущего, а также зачастую выступающих неартикулируемой методологической основой познания, имманентно обуславливающей конечную, укорененную в его истории цель развития субъекта. Отметим, что историософский уровень осмысления, как правило, описывает мир в рамках определенного глобального проекта, вытекающего из совокупности неких изначально верных стандартов, либо осмысливает конкретную госу-

дарственность в качестве субъекта и объекта борьбы историсофских миропроектов.

Изучение будущего и построение на его основе стратегий субъектного развития приобрело актуальность с середины XX века в рамках футурологического направления в гуманитарных науках (А. Тоффлер, С. Лем, Ф. Фукуяма, и др.) и моделирования мировой динамики («Римский клуб», Дж. Форрестер, Н.Н. Моисеев и др.). Обращение к футурологическим проблемам порождает феномен управления будущим, а именно определения приоритетных целей, моделирования глобальных процессов, построения прогнозов и сценариев развития, управления рисками, формирования «коридора» для входа в желаемое будущее [5]. В таком контексте важно понимание значимости исторических исследований, особенно в логике управляемого хаоса и консциентальных (психоисторических) войн, ибо контролирующий прошлое властвует над будущим.

Векторная стратегия использует категории «линейность», «нелинейность», «цикличность», «подъем», «спад», «прогресс», «регресс» и т.д. Линейность предполагает изначально заданную объективную линию развития феноменов, последовательную, закономерную и детерминируемую смену каких-либо явлений. Цикличность (одномерная либо спиральная) акцентирует внимание на постоянном возвращении к исходным параметрам, изначально предзаданной повторяемости явлений, что может изучаться и стадиальной стратегией. Применительно государственно-правовой реальности таких идей придерживались Полибий, Сыма Цянь, Ибн Хальдун, О. Шпенглер, Л.Н. Гумилев и др. Цикличность оперирует категориями «подъем» и «спад», которые проявляются во внешних по отношению к государству и праву феноменах. Особенно ярко это проявляется в экономике (циклы Кондратьева (50–60 лет), отражающие связанные с технологическими укладами процессы перемещения основных источников прибыли из финансовой сферы в производственную (восходящий тренд, А-процесс) и обратно (нисходящий тренд, Б-процесс) [6, с.341-400]), и мир-системе (циклы гегемонии (100–150 лет) [7, с. 50-51]).

Нелинейность предполагает вариативность развития системы, возможность ее кардинального изменения в точке бифуркации под влиянием достаточно слабых и хаотичных воздействий, возможность неочевидного выбора одной из множества стратегий развития системы и перестройки ее внутренней структуры. Таким образом, линейность и цикличность являются отдельными, но не находящимися в жестко детерминированной взаимообусловленности этапами (ста-

диями) нелинейности. При этом нелинейность, основываясь на идее «стрелы времени», предполагает его необратимость.

Циклический и линейный подходы могут быть восходящими и нисходящими. Традиционно восходящий тренд называется прогрессом, который является имманентной чертой западной цивилизации и науки, перенесшей общий принцип эволюции (борьба за существование, «естественный отбор» и т.д.) и идею технического прогресса на социальную жизнь. В таком контексте Будущее обязано быть лучше Настоящего, которое лишь «терпится» до своей замены; Прошлое, как правило, представляется как «проклятый старый режим», «темные века», «мрачное Средневековье» и т.д. Примерами несбывшегося прогрессизма можно считать крах СССР, кризис современной мир-системы, построенной на идеях либеральной геокультуры и т.д.

Нисходящий цикл именуется регрессом и, наоборот, акцентирует внимание на Будущем как потенциально худшем состоянии. Примером регрессивного подхода к социальным явлениям может быть христианский эсхатологизм, согласно которому Второе Пришествие и Конец Света будут тогда, когда «по причине умножения беззакония во многих хладеет любовь» (Мф 24. 12).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующий в современной юриспруденции подход к рассмотрению темпоральных проблем, сводящийся к выявлению предельных (временных) точек и условий действия права, охватывает лишь незначительную часть проблем юриспруденции.

2. Время как методологический феномен, свойственный «высоким гуманитарным технологиям», позволяет описывать целеполагающее бытие государства и права и отражать те временные длительности («цикл», «стадия», «эпоха» и т.д.), в которых находятся названные феномены.

3. Изучение времени возможно во взаимообусловленных методологических стадияльной, историко-футурологической и векторной стратегиях.

Библиографические ссылки

1. Волк, В. И. Право, время и пространство: теоретический аспект : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. И. Волк ; РПА Министерства юстиции Российской Федерации. – М., 2004. – 19 с.

2. Залесский, В. В. Фактор времени в гражданских правоотношениях / В. В. Залесский // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 114–121.

3. Юрашевич, Н. М. Свойства времени в позитивном и естественном праве / Н. М. Юрашевич // Государство и право. – 2013. – № 3. – С. 89–94.

4. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания / Отв. ред. Л. П. Киященко ; ред.-сост. О. Н. Астафьева, П. Д. Тищенко. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с. С. 384.

5. Москалев, И. Е. Управление будущим в контуре социальной реальности / И. Е. Москалев // Экономические стратегии. – 2011. – № 6. – С. 96–103.

6. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев ; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева [и др.]. – М. : Экономика, 2002. – 765 с. С. 341–400.

7. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – М. : Логос, 2004. – 368 с. С. 50–51.

ИННОВАЦИОННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Кирякова Ирина Николаевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Полоцкий государственный университет» (г. Полоцк),
кандидат юридических наук
i.kirakova@psu.by

Национальной экономике задан инновационный вектор развития, который подразумевает применение новых технологий и разработок с целью достижения высокого уровня социально-экономического развития общества и государства. Однако достижение указанной цели невозможно путем изолированного внедрения инноваций в экономику. Необходима гармонизация отношений во всех сферах общества. Инновационность государства должно обеспечивать, в первую очередь, постоянное совершенствование законодательства на предмет его соответствия развивающимся отношениям.

В Республике Беларусь принято большое количество нормативных правовых актов, регулирующих инновационную деятельность. К основным из них можно отнести Законы Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», «Об основах государственной научно-технической политики», «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы». Однако реализация отдельных механизмов инновационной деятельности требует совершенствования законодательства. Например, закрепленное в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» определение понятия «инновация» дает основание ставить равно между данным понятием и понятием «объект интеллектуальной собственности». Однако следует указать здесь точку зрения Е. Леанович, которая отмечает, что результаты инновационной деятельности по своим харак-